

К ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОГО БЫТА ПЕРВЫХ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.: ДОСУГ И ОТДЫХ

Ольга Игоревна Секенова

Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН
32-А Ленинский пр., Москва, Россия
jkzkray@mail.ru

Наталья Львовна Пушкарева

Центр гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН
32-А Ленинский пр., Москва, Россия
pushkarev@mail.ru

А н н о т а ц и я : Статья посвящена изучению антропологии повседневности лиц интеллектуального труда. Предметом изучения взяты досуговые особенности быта и домашней жизни первых российских женщин-историков дореволюционного периода, многообразие доступных им форм свободного времяпрепровождения, проанализированы их бюджет и соотношение рабочего и свободного времени. Размышляя об особенностях (а не только об общем) в изучении быта академического и преподавательского сообществ и описывая основные формы досуга «ученых дам», авторы приводят примеры организации и посещения ими интеллектуальных «вечеров», чтения профессиональной и художественной литературы, способов приложения сил в общественной, в том числе благотворительной, активности. Разнообразные документы личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка первых русских женщин-историков) позволили сделать вывод о сложном сплетении свободного и рабочего времени в жизни женщин-ученых, перетекании работы в отдых и обратно. Постепенное вхождение женщин в мужскую академическую среду заметно повлияло на практики досуга: контаминация работы и отдыха порой была вынужденной, а адаптация к академической карьере шла в том числе через усвоение соответствующих досуговых практик, ставших неотъемлемой частью образа жизни женщин-ученых. Маргинализованное положение первых русских женщин-историков заставляло их всеми силами стремиться сохранять включенность в социальные взаимодействия, для чего они старались закреплять профессиональные знакомства на неформальных вечерах, где можно было узнать неписанные правила поведения и корпоративные нормы академической среды. При этом настоящей радостью женщины-историки (как правило, все они были если не зажиточными, то достаточно обеспеченными) называют наличие личного пространства, в котором они могли посвятить себя научному процессу — плодотворной исследовательской работе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Россия начала XX века, женщины-историки, преподавательское и научное сообщество, быт, отдых, повседневность, бюджет свободного времени.

Б л а г о д а р н о с т и : Статья подготовлена в рамках Программы научно-исследовательской работы Института этнологии и антропологии РАН, Программы Президиума РАН «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» и Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00191.

Д л я с с ы л о к : Секенова О., Пушкарева Н. К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 132–153.

d o i : 10.31250/1815-8870-2021-17-49-132-153

U R L : http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/sekenova_pushkareva.pdf

TOWARDS A HISTORY OF EVERYDAY LIFE OF THE FIRST RUSSIAN WOMEN HISTORIANS OF THE LATE 19TH — BEGINNING OF THE 20TH CENTURY: LEISURE AND RECREATION

Olga Sekenova

Women & Gender Studies Department, Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
jkzkray@mail.ru

Natalia Pushkareva

Women & Gender Studies Department, Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
pushkarev@mail.ru

Abstract: The article focuses on the study of the anthropology of everyday life of persons of intellectual labor. The subject of the study are the leisure peculiarities of the everyday life and home life of the first Russian women historians

of the pre-revolutionary period, the variety of forms of free time available to the first women scientists among professional historians, as well as the budget and the ratio of their working and free time. Reflecting on the peculiarities in the study of the everyday life of the academic and teaching communities and describing the main forms of leisure of “learned ladies”, the authors give examples of how they organize and attend intellectual “evenings”, reading professional and fictional literature, forms of public engagement, including charitable activities. Various documents of personal origin—memoirs, diaries, personal correspondences of the first Russian women historians—made it possible to draw conclusions about the complex interweaving of free and working time in the life of women scientists, the flow of work into leisure and vice versa. The authors also demonstrate that the gradual entry of women into the male academic environment significantly influenced the practice of leisure: the contamination of work and rest was sometimes forced, and the adaptation to an academic career went, among other things, through the assimilation of appropriate leisure practices, which became an integral part of the lifestyle of women scientists. The marginalized position of the first Russian women historians forced them to try to keep being involved in social interactions. For this purpose, they sought to consolidate professional acquaintances at informal evenings, where it was possible to understand the unwritten rules of conduct and corporate norms of the academic environment. That said, the real joy for women was the presence of personal space in which they could devote themselves to the scientific process—engaging in fruitful research work.

Key words: Russia at the beginning of the 20th century, women historians, teaching and scientific community, everyday life, leisure, everyday life, budget of free time.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Research Program of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, the Program of the Presidium RAS “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” and the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00191.

To cite: Sekenova O., Pushkareva N., ‘K istorii povsednevnogo byta pervykh rossiyskikh zhenshchin-istorikov kontsa XIX — nachala XX v.: dosug i otdykh’ [Towards a History of Everyday Life of the First Russian Women Historians of the Late 19th — Beginning of the 20th Century: Leisure and Recreation], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 49, pp. 132–153.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-132-153

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/049/sekenova_pushkareva.pdf

Ольга Секенова, Наталья Пушкарева

К истории повседневного быта первых российских женщин-историков конца XIX — начала XX в.: досуг и отдых

Статья посвящена изучению антропологии повседневности лиц интеллектуального труда. Предметом изучения взяты досуговые особенности быта и домашней жизни первых российских женщин-историков дореволюционного периода, многообразие доступных им форм свободного времяпрепровождения, проанализированы их бюджет и соотношение рабочего и свободного времени. Размышляя об особенностях (а не только об общем) в изучении быта академического и преподавательского сообществ и описывая основные формы досуга «ученых дам», авторы приводят примеры организации и посещения ими интеллектуальных «вечеров», чтения профессиональной и художественной литературы, способов приложения сил в общественной, в том числе благотворительной, активности. Разнообразные документы личного происхождения (воспоминания, дневники, личная переписка первых русских женщин-историков) позволили сделать вывод о сложном сплетении свободного и рабочего времени в жизни женщин-ученых, перетекании работы в отдых и обратно. Постепенное вхождение женщин в мужскую академическую среду заметно повлияло на практики досуга: контаминация работы и отдыха порой была вынужденной, а адаптация к академической карьере шла в том числе через усвоение соответствующих досуговых практик, ставших неотъемлемой частью образа жизни женщин-ученых. Маргинализированное положение первых русских женщин-историков заставляло их всеми силами стремиться сохранять включенность в социальные взаимодействия, для чего они старались закреплять профессиональные знакомства на неформальных вечерах, где можно было узнать неписанные правила поведения и корпоративные нормы академической среды. При этом настоящей радостью женщины-историки (как правило, все они были если не зажиточными, то достаточно обеспеченными) называют наличие личного пространства, в котором они могли посвятить себя научному процессу — плодотворной исследовательской работе.

Ключевые слова: Россия начала XX века, женщины-историки, преподавательское и научное сообщество, быт, отдых, повседневность, бюджет свободного времени.

Ольга Игоревна Секенова

Центр гендерных исследований,
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
jkzkray@mail.ru

Наталья Львовна Пушкарева

Центр гендерных исследований,
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва, Россия
pushkarev@mail.ru

Первые русские женщины-историки, создававшие свои труды во второй половине XIX — начале XX в., происходили чаще всего из образованного разночинного или дворянского сословия [Пушкарева 2012]. Ставшие исследовательницами и, крайне редко, преподавательницами, проводившие время не в решении дел хозяйственных «экономий», а в архивах и экспедициях, так ли были они непохожи на своих сверстниц, выбравших жизненной стезей не борьбу за статус в академическом сообществе, а спокойную семейную жизнь? Каков был бюджет времени первых женщин-ученых, насколько особенными были быт и повседневность интеллектуалок второй половины XIX — начала XX в.?

Вопросы эти никогда не исследовались в нашей науке специально, да и сама тема повседневности академического сообщества была поднята лишь в последние годы [Колмарова 2012]. Женщины как особая группа

внутри академического комьюнити отечественной гуманитаристикой почти не затрагивается. Это и позволяет при наличии значительного числа разного рода женских эго-документов (писем, дневниковых записей, воспоминаний, автобиографических рассказов и сообщений, вписанных в автодокументальные источники, исходящих от других, близких женщинам-историкам людей) поставить вопрос об эвристическом потенциале исследования этого аспекта российской «женской истории». Он тем более значим для отечественной науки, что имена российских женщин-ученых упоминаются куда реже мужских имен в разного рода обобщающих трудах, учебниках и энциклопедиях (помимо С.В. Ковалевской обычно никого назвать не могут). И если информацию о профессиональных успехах отдельных выдающихся женщин-историков можно почерпнуть в справочниках и некоторых изданиях [Самодурова 1988; Ярославцев 2010; Савельев 2012], то об их семьях, частной и эмоциональной жизни, особенностях мироощущения, внутренней самооценке известно мало.

Возможна ли при чтении источников личного происхождения аналитическая работа по выявлению некоей поведенческой типики, общих особенностей структурирования рабочего и вне-рабочего времени [Пушкарева 2010], особенно в отношении представительниц исторической науки столетней или даже полуторастилетней давности, — вопрос открытый. Мы постарались дать на него ответ, собрав разрозненные факты, касающиеся структуры отдыха и досуга первых русских женщин-историков, с целью выявить и проинтерпретировать те изменения в сфере обыденности, которые следовали за трансформацией профессиональных сторон жизни этих женщин. Оговоримся: собранные секвенции воспоминаний были, очевидно, формами саморепрезентации женщин, которые стремились спроецировать конкретный образ или повествование о самоидентификации. Такая самопрезентация неизбежно определяла, что включено, а что исключено из повествования. Факты изменений повседневной жизни зачастую разрознены, воспринимаются (даже поставленные в хронологической последовательности) несколько хаотично, однако перед нами стояла задача разгадать историческую головоломку многообразия женского досуга, вплетая найденные детали и мелочи в ткань повествования о столь обыденном, что подчас глаз его и не различал. Мы считали важным найти эти крупинки и генерализировать отдельные рассказы, чтобы хотя бы отчасти приблизиться к пониманию того, для чего дворянки или обеспеченные представительницы средних городских слоев, которым нормы жизни их социального окружения позволяли разнообразить праздный досуг разве что женскими рукоде-

лиями, вдруг начинали упоенно учиться, а затем и вести исследовательскую работу.

О том, что считать отдыхом и досугом, согласованного мнения в гуманитарных науках нет [Aitchison 2000: 127–130]. Британская историография досуга обычно оперирует множеством понятий: *leisure* (досуг), *spare time* (свободное время), *recreation* (отдых) [Lowerson, Myerscough 1977; Cunningham 1980; 1985; Sylvester 1994; Borsay 2006]. Далеко не все авторы согласны с тем, что при изучении структур повседневности можно ставить знак равенства между понятиями *досуг* и *свободное время* [Silk et al. 2017]. Предложено также различать досуг как свободное время, как активность и как личностный опыт [Heimtun 2014: 115]. В российской культурологии принято трактовать досуг через функции рекреации, развлечения и развития, и для людей творческих отдых путем актуализации интеллектуальных и творческих навыков считается самым значимым [Стрельцов 2003; Волобуева 2004: 16].

Гендерный подход в культурологических и исторических исследованиях внес коррективы в эти толкования, обнаружив (через понятие *невидимости домашней работы*) неравенство полов в возможностях использования вне рабочего времени [Henderson et al. 1996: 6–8]. Появление полвека тому назад теории «второй смены» в рабочем дне женщины позволило А. Хокшильд и Э. Мачун ввести понятие *leisure gap* (разрыв в досуге) по аналогии с *wage gap* (разрыв в зарплате мужчин и женщин) [Hochschild, Machung 1989: 4]. Представительница любой профессии, добившись возможности получать зарплату наравне с мужчинами, доказали они, не получает равного права на отдых, будучи вынуждена выполнять работу по дому [Малышева 2013: 182–184]. В конце XX в. этот разрыв стал сокращаться [Deem 1988: 10–15], поскольку женщины начали осваивать новые формы досуга, независимые от соответствия способов проведения свободного времени общепринятым гендерным стандартам [Hochschild, Machung 1989: 151], а также обретать собственное пространство для досуговых практик, «свои комнаты». Имели ли первые русские женщины-ученые такие «места, чтобы уединиться» и «минимальный доход, чтобы не голодать», согласно известному высказыванию В. Вулф [Woolf 1935: 4], высказывали ли они жалобы на отсутствие приватности, испытывали ли потребность проводить время в одиночестве? Может ли анализ женской повседневности помочь оценить степень эмансипации и внутренней свободы женщин-ученых прошлых эпох?

Мы рассматриваем содержание и формы досуга небольшой профессиональной группы — женщин-историков второй поло-

вины XIX — начала XX в., которые работали в архивах и библиотеках, собирая информацию и создавая научные труды. К тем, кто профессионально занимался наукой в это время, можно отнести не более нескольких десятков представительниц разных сословий (от дочери немецкого врача Н.Д. Флиттнер до графини П.С. Уваровой), получивших историческое или историко-филологическое образование дома, на Высших женских курсах (ВЖК открывались в 1869–1878 гг. в Петербурге, Москве, Киеве и других городах) или в заграничных университетах. Всех этих женщин объединяло желание профессионально заниматься историей и публиковать результаты своих научных изысканий. Нашей задачей было не перечисление профессиональных успехов женщин-историков, а историко-антропологический анализ структур их повседневности, круга их общения, что важно для понимания общих механизмов адаптации женщин XIX в. в новых профессиях, путей изменения корпоративных практик в научной среде и влияния профессиональных достижений на удовлетворенность частной жизнью.

«Повседневноведческий» аспект жизни первых женщин-историков не был предметом специального исследования ни в российской, ни в западной историографии. Между тем гендерный аспект истории досуга позволяет объемнее представить статус депривированной и маргинализованной социальной группы через выявление допустимых и осуждаемых общественным мнением способов проведения свободного времени [Borsay 2006: 113–115]. В нашем распоряжении были женские тексты — неопубликованные записи египтолога Наталии Давидовны Флиттнер [АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2, 4, 6], мемуары исследовательницы женского образования и движения «равноправки» Екатерины Николаевны Щепкиной [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131; Оп. 2. Д. 1], воспоминания выпускниц Общества воспитательниц и учительниц [ОР ГИМ. Ф. 92. Д. 95], опубликованные автобиографические записи председателя Московского археологического общества графини Прасковьи Сергеевны Уваровой [Уварова 2005], секретаря Н.И. Костомарова и самостоятельно-го историка Надежды Александровны Белозерской [Белозерская 1913], воспоминания исследовательницы кельтской культуры и библиотекаря Бестужевских курсов Екатерины Вячеславовны Балобановой [Востриков 2014]. Как референтные и дополняющие перечисленное могут быть использованы тексты мужские — не публиковавшаяся переписка создателя Московских высших женских курсов профессора В.И. Герье [ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 54-39], воспоминания медиевиста, преподавателя Бестужевских курсов И.М. Гревса [Гревс 1918], археолога и востоковеда Б.Б. Пиотровского [Пиотровский 2009]. Эти тексты позволяют составить представление о повседневности россий-

ских историков до революционных перемен, обнаружив некоторые черты женского быта в дореволюционном сообществе исследователей прошлого.

«Будет досуг, когда вон понесут»: неразделенность работы и отдыха в структурах досуга женщин-историков

Принадлежность первых женщин-историков к различным социальным слоям во многом определяла различия в возможности отдавать работе и отдыху большую или меньшую часть суток. Для представительниц гуманитарного знания, не нуждавшихся в лабораториях или практической проверке своих выводов, разграничение собственно рабочего времени и времени, которое оставалось после выполнения обязательных дел, — задача непростоая.

Сложность выделения нерабочего времени, когда речь идет об ученых-гуманитариях, очевидна в том числе и потому, что сами женщины-историки были выходцами из разных социальных слоев. Конечно, лучше всех на научной работе могли сосредоточиться те молодые особы, которым не нужно было зарабатывать на жизнь. Именно они могли позволить себе не только проводить время в библиотеках и архивах, но и брать частные уроки иностранной словесности, на средства родителей или родственников учиться за границей, не заботиться о подработках (например, историки С.К. Брюллова [Корсаков 1887: 485], И.И. Любименко [Солодкин 2008: 323], О.А. Добиаш-Рождественская были дочерьми выдающихся ученых [Люблинская 2000: 155], отец Е.Н. Щепкиной сделал карьеру на государственной службе, графиня П.С. Уварова принадлежала к обеспеченной аристократической семье). Тем не менее среди учившихся на женских курсах было немало и тех, кто самостоятельно зарабатывал, чтобы продолжить учебу, и уже в силу этого не имел много свободного времени на полноценный досуг. Эти девушки не могли позволить себе трудиться без оплаты, поэтому лишь некоторые из них, наиболее мотивированные, сделали научную карьеру, занимаясь исследованиями в ущерб сну и отдыху. Например, в 1900-е гг. Н.Д. Флиттнер не смогла окончить Бестужевские курсы, т.к. вынуждена была зарабатывать, чтобы содержать семью после смерти отца. Лишь расположение ее научного консультанта профессора Б.А. Тураева, в чей домашний кружок она ходила, проводя там редкие часы досуга, помогло ей несколько раз побывать в учебных командировках за границей, а затем получить звание магистра в Санкт-Петербургском университете [Воробьева 2015: 9–13]. Как бы ни уставала Флиттнер, работая в двух женских коммерческих училищах одновременно и давая частные уроки, весь свой условный

«досуг» без остатка она тратила на занятия историей: учила древние языки, прорабатывала научную литературу, знакомилась с первоисточниками. Трудолюбие ее было вознаграждено: занятия историей дали возможность зарабатывать на жизнь и из хобби стали профессиональным призванием.

Не только в бедных, но и в наиболее состоятельных дворянских семьях дилеммы между профессиональными занятиями и отдыхом для женщин-историков не было. Дворянское воспитание не поощряло праздности в девочках. Поэтому в женских письмах и дневниках о периодах вынужденного бездействия (например, по болезни) можно прочесть лишь в негативном ключе: упреки самой себе в ничегонеделании для профессионального развития («за это лето я сделала очень мало», «очень жалела потом о потере времени» [Нечкина 2013: 81, 86, 170]). Во второй половине XIX в. с развитием гимназического образования и появлением Высших женских курсов занятия науками превратились из эксцентричного времяпрепровождения в социально поощряемую форму женского досуга, наряду с чтением, рукоделием и посещением / приемом гостей. Дела домашние (общение с экономкой, домашней прислугой, расчеты затрат и т.д.), зачастую лежавшие именно на женщинах, не воспринимались как отдых, «необусловленный досуг», т.е. времяпрепровождение, приносящее удовольствие [Kelly 1999: 57]. Таким досугом могли быть прогулки и становившиеся популярными в начале XX в. гимнастические упражнения, любые виды хобби, включая рисование [Домашний уклад 2018] или рукоделие, посещение театров [АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 185–186; РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 27, 41, 42].

В этом контексте чтение источников и анализ научной литературы выглядели скорее как хобби, были похожи на труд без оплаты, равно как и волонтерская работа по организации науки или лекций, установление и налаживание корпоративных связей в академическом кругу [Сидорчук 2015: 175]. Именно этот «координированный тип досуга» содержал в себе механизм трансформации хобби в профессию, дружеского гостевания — в неформальное взаимодействие с однокурсницами и профессурой, неоплачиваемого труда по самообразованию — в аналитическую работу, включая написание научных сочинений и серьезное коллекционирование предметов, связанных с историей. Например, Флиттнер собирала открытки на исторические темы (до революции покупала их в магазине на Большой Морской улице в Санкт-Петербурге) [АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 6. Л. 279] и антикварные предметы, связанные с ее научными интересами (Б.Б. Пиотровский рассказывал об одном из таких подарков от нее — сиракузской серебряной декадрахе IV в. до н.э., которую Н.Д. когда-то подарил знакомый коллекционер [Пиотровский

2009: 190]). Другая ученица Б.А. Тураева Тамара Николаевна Бороздина-Козьмина вспоминала, что первые уроки коллекционирования египетских древностей она получила от своего учителя: они вместе ходили в антикварные магазины, заказывали по каталогам из Каира подлинные исторические артефакты [Томашевич 2003: 140–141]. Увлеченность, заставлявшая первых женщин-историков отказываться от других форм проведения свободного времени, связывала с историей и координированный, и некоординированный типы досуга, выступая для женщин проводником в профессиональную академическую среду. Определенные формы досуга, демонстративные и типичные для научных работников, помогали женщинам усваивать мужские корпоративные нормы и становиться «своими» в той инородной среде, в которой они мечтали быть признанными.

«Дружеские посиделки старых дев»: вечера и вечеринки

В воспоминаниях и письмах первых русских женщин-историков самая часто описываемая форма досуга — неформальные встречи с коллегами и сокурсницами. Первый опыт самостоятельной организации подобных вечеринок женщины-историк получили еще на Высших женских курсах и сохраняли сложившиеся социальные отношения и формат мероприятий после выпуска. Такие посиделки доставляли руководителям курсов немало проблем. Организатор Санкт-Петербургских ВЖК профессор К.Н. Бестужев-Рюмин вынужден был постоянно оправдываться из-за анонимных писем о шумных встречах курсисток, устраивавших порой «безобразные вечера в столовках и закусточных» [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 12об.]. Первая в России женщина — преподаватель истории в вузе Е.Н. Щепкина писала, что в 1880-е гг. студенческие землячества и другие группы молодежи регулярно устраивали шумные встречи, именуя их «свадебными» (молодая пара была подставной). На вечеринках танцевали, пели хором, курсистки общались с мужчинами, что «жутко коробило Бестужева, но принимать доносы и грязное клеветничество было немислимо» [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 12об.]. Создатель Московских ВЖК профессор В.И. Герье также опасался за нравственный облик будущих историков. Он даже писал, что именно шумные посиделки девушек стали причиной закрытия ВЖК в Киеве в 1886 г. [Там же. Л. 64об.].

Посиделки курсисток не были аскетичными: Щепкина вспоминала, что после защиты рефератов по истории Древнего Рима «пили плохое вино», причем она сама «совсем не пьянела» и считала, что никто про такое времяпрепровождение не узнает, однако начальство откуда-то об этом «прослышало», и сам В.И. Герье «наедине у книжного шкафа выразил мне удивление»

[РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 123–124об.]. И в Москве, и в Санкт-Петербурге принято было устраивать шумные вечера в честь выпуска курсов, на которых выпускницы пили алкоголь вместе с преподавателями. Ставшая преподавательницей ВЖК Щепкина была страшно обижена, что ее не позвали на такую вечеринку выпускников «за ее ретроградство» [Там же. Л. 63]. Эта ситуация подтверждает гипотезу о том, что платой за научную карьеру для женщин-историков было ограничение социальных контактов. Хотя все они продолжали общение с выпускницами со своего курса, подругами по ВЖК, родственницами (Щепкина даже называла такие встречи «дружеские посиделки старых дев» [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Л. 19–20]), войти в научные кружки и объединения коллег-мужчин было для девушек непросто. Вступлению в когорту профессиональных историков мешал ряд коммуникационных трудностей, прежде всего ограничения, касавшиеся посещения мужчинами молодых незамужних женщин. Иные из женщин, мечтавшие быть принятыми в круг коллег-историков, прямо говорили об этом. Скажем, Щепкину посещал дома лишь один из ее ровесников, в будущем член-корреспондент Российской академии наук профессор Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов, а тогда молодой историк Е.Ф. Шмурло, в то время как члены Приютинского братства — дружеского объединения русских либеральных интеллектуалов (И.М. Гревс, С.Ф. Ольденбург) — приглашали ее на свои собрания, но сами к ней не ходили [Гревс 1918: 51; РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 58]. Коммуникационные сложности женщины-историка проявились в переписке Щепкиной с ее ровесником и коллегой С.Ф. Платоновым: Екатерина Николаевна прямо обвиняла его в нетоварищеском поведении, на что Платонов с явной насмешкой отвечал, что не мог и подумать, что она понимает под товариществом не равные условия в работе на курсах, а необходимость бывать друг у друга в гостях [Минеева 2012: 247–248]. Подобный опыт взаимодействия с коллегой-мужчиной, безусловно, оказывался травмирующим для женщины-историка: слишком велика была разница между общением на Высших женских курсах, включавшем вечеринки и хождение в гости, и фактической социальной изоляцией после их окончания, во время становления в профессии.

Впрочем, далеко не все женщины стремились расширять круг знакомств: историческая профессия (если не говорить о преподавании) не очень публичная. Многие женщины-исследовательницы предпочитали посещать вечера, которые устраивали не сверстники-историки, а состоявшиеся ученые, преподаватели, «покровители» женского исторического образования в России. Многих молодых исследовательниц, особенно успешных в уче-

бе, приглашали на «вторники» к основателю Санкт-Петербургских ВЖК профессору К.Н. Бестужеву-Рюмину. На приемах у него бывали Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, В.В. Радлов. Позже аналогичные собрания стал устраивать профессор С.Ф. Платонов, а его жена Надежда Николаевна настояла, чтобы на них приходили молодые женщины-историки. Приглашал к себе учениц и профессор И.В. Гревс [Ростовцев 2006: 286]. Таким образом, к началу XX в. участие женщин-историков в подобных вечерах значительно расширилось и стало маркером их постепенного признания в профессии.

Петербургские собрания историков с участием интересующихся научной работой женщин отличались утонченностью бесед и обсуждений. В хлебосольной Москве принят был иной тип встреч. Выпускницы Московского общества воспитательниц и учительниц А.Я. Рабинович, А.Г. Вербловская, З.В. Кикина, С.Н. Нюберг-Кашкина вспоминали, что у супругов Шереметьевских научная молодежь общалась и со своими преподавателями, и с известными представителями театральной общественности, например со знаменитой актрисой М.Н. Ермоловой [ОР ГИМ. Ф. 92. Д. 95. Л. 13об.]. Вечера у Шереметьевских проходили по средам, подавали скромный ужин: «[С]еледка, котлеты с горошком, две бутылки красного и белого вина и непременно мятные пряники, <...> корзинка [с ними] шла вкрутовую. Пили за процветание высшего женского образования, шутили, что если не будет этого тоста — то высшее женское образование не будет процветать» [Там же. Л. 14об.]. На вечерах музицировали, спорили о политике, хозяйка дома читала вслух «Воскресение» Л.Н. Толстого...

По воскресеньям около полудня молодые исследовательницы могли бывать у знатока политической истории Англии и США, конституционного права и парламентаризма историка С.Ф. Фортунатова. На эти домашние собрания к С.Ф. Фортунатову приходили историки Р.Ю. Виппер, А.А. Кизеветтер, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, В.О. Ключевский. «[П]одавался большой пирог с капустой или мясом, кофе с молоком». Специалист по всеобщей истории Д.М. Петрушевский говорил, что он к «тому пирогу относится так же серьезно, как к английской конституции». Поэтому, по словам одной из постоянных участниц этих воскресных обедов, «каждого нового гостя спрашивали, указывая на пирог: “Конституцию соблюдаете?” Когда кто-то вместо кофе попросил дать чай, то чай стал называться дополнением к конституции» [ОР ГИМ. Ф. 92. Д. 95. Л. 18–18об.].

Досужее время молодых исследовательниц, помимо гостевания и посиделок, могло быть отдано посещению благотворительных вечеров с музыкантами и артистами, дружественными Обществу

воспитательниц и учительниц. На них выступали известные певцы и музыканты Большого театра, изредка участвовала М.Н. Ермолова. После концертов устраивались танцы. Все деятели культуры выступали бесплатно, за аренду помещения тоже не платили: продавая билеты на такие вечера, администрация курсов собирала средства для нескольких командировок их слушательниц за границу — для продолжения научных занятий в европейских библиотеках и университетах, защиты диссертаций [ОР ГИМ. Ф. 92. Д. 95. Л. 21]. Танцы не были непременной частью такого досуга: дамы, выбравшие научную стезю, отмечали отсутствие к ним интереса и крайне редко упоминали о каких-то спортивных или физических нагрузках (например, Флиттнер вспоминала о посещении вечеринки Лесгафтовских курсов, на которой она, вместо того чтобы танцевать, разговаривала с самим П.Ф. Лесгафтом, от чего получила большое удовольствие [АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 81]). Можно предположить, что подчеркнутая серьезность, репрезентация себя как «ученой дамы» влияли и на выбор развлечений.

Традиция организовывать вечера в домах авторитетных историков способствовала формированию практик научного общения разновозрастных коллег за пределами университетских кафедр, развитию научных школ и корпораций. Поскольку в университетах и на женских курсах преподавали одни и те же ученые, демонстрация равенства в «политике приглашений» молодых коллег разного пола отвечала взглядам прогрессивных историков и примиряла консервативно настроенные научные круги с необходимостью принимать женщин в свою корпорацию. Однако, судя по воспоминаниям, на подобных вечерах молодые женщины вели себя гораздо скованнее, чем их коллеги-мужчины, в силу неуверенности в собственных знаниях и традиционного воспитания [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 60].

**«В библиотеке новые удовольствия»:
чтение в структуре свободного времени
русских женщин-историков**

По мнению исследователя сферы досуга Ш. Сильвестра, досуг в среде творческих людей служит подготовкой к их профессиональной деятельности (цит. по: [Клюско 2013: 124]). Безусловно, наибольшую часть свободного времени женщин-историков занимало чтение (как профессиональной исторической, так и художественной литературы). Многие женщины вели отдельный читательский дневник (например, специалист по истории англо-русских отношений И.И. Любименко [СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 213]). По нему можно составить впечатление

о книгах, оказавших наибольшее влияние на профессиональное становление женщин-историков. Круг их чтения во второй половине XIX — начале XX в. во многом совпадал: для души читали русскую и мировую классическую литературу, увлекались историческими романами и поэзией. Как княгиня Вера Николаевна, героиня «Гранатового браслета» А.И. Куприна, «никогда не читала газет, они пачкали ей пальцы», так и женщины-историки совсем не упоминают в дневниках чтение газет или определяют его как «пустую трату времени» и даже как процесс, вредящий душевному равновесию. Е.Н. Щепкина «от скуки» читала сборники знаменитых судебных процессов, присланные подругой, помощницей адвоката: «В них фигурировали знаменитая отравительница, маркиза Бренвилле, загадочные убийства, изнасилования <...> кошмарные ужасы <...>. Они занимали меня, но люди и жизнь падали все ниже в моих глазах» [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 32]. Чтение сюжетов «из зала суда» породило у Екатерины Николаевны затяжную депрессию, мысли о самоубийстве, которые прекратились лишь после еще более серьезного испытания — заболевания тифом. Судя по эго-документам других женщин-историков, современниц Щепкиной, склонности к прессе никто из них не питал, о преступлениях, политике и международных отношениях они рассуждали мало (что сильно отличает их дневники от мужских). Благодаря хорошему гуманитарному образованию и занятиям словесностью многие тогдашние женщины-историки удачно рифмовали (при этом свои стихи не издавали, но представляли на публичных декламациях).

Книги для досугового чтения женщины-историки покупали или брали у знакомых. Слишком частое приобретение книг рассматривалось как расточительство или по крайней мере серьезный удар по небольшому бюджету, выделенному на развлечения [Белозерская 1913: 935; АГЭ. Ф. 63. Д. 6. Л. 173]. Доступ же к профессиональной литературе, особенно по темам исследования, получали прежде всего в библиотеках, публичных или профильных (даже бывшие «бестужевки» с удовольствием пользовались библиотекой ВЖК, где можно было взять книгу на дом [Востриков 2014: 12]). В дореволюционную эпоху наиболее популярным местом, где женщины-историки читали книги и работали с архивными документами, была Императорская Публичная библиотека в Санкт-Петербурге. Первых женщин-историков, выделявшихся своими серьезными занятиями среди других завсегдатаев, там хорошо знали (в качестве доказательства благосклонности служителей библиотеки Н.А. Ген-Белозерская отмечала, что ей ежедневно отыскивали и приносили книги, даже самые редкие издания, а еще она всегда работала за столом [Белозерская 1913: 935] — в переполненной

Публичной библиотеке 1850–1860-х гг. это было большой привилегией (строительство нового здания, в котором было предусмотрено дополнительное помещение «для занятий художников и женщин-читательниц», началось только в 1857 г. [Матвеева 2013: 13], но из-за открытия ВЖК мест все равно не хватало). Радость научного поиска в библиотеке прослеживается почти во всех эго-документах женщин-историков, а наиболее полно попыталась передать свои ощущения от посещения Публичной библиотеки Н.Д. Флиттнер: «[Н]астроение, которое я больше всего люблю. В душе точно распахиваются створки двери навстречу каким-то неуловимым флюидам: смотрю на огромные фолианты в свиной коже, на неуклюже торжественный четкий шрифт первопечатных изданий — Библии, Тита Ливия, железными цепями прикованные к пультам из темного дерева, удивительные миниатюры, рукописи с выпуклыми заглавными золотыми буквами... и охватывает меня чувство внутренней духовной связи с этим прошлым. Я чувствую так же, как и они, мои далекие предки» [АГЭ. Ф. 63. Д. 6. Л. 106–107] (в тексте воспоминаний Флиттнер особенно символичным кажется, что она посетила библиотеку под Рождество — работа в библиотеке и возможность остаться наедине с историческими источниками были для Наталии Давидовны, весьма набожной протестантки, мистическим, почти религиозным опытом).

Свой опыт посещения библиотек в Петербурге и Париже подробно описала Е.Н. Щепкина: если русские библиотеки привлекали ее как хранилище исторических документов, то посещение *Bibliothèque Nationale* оказывалось чем-то вроде экскурсионного отдыха (она была потрясена скорой выдачей заказов, приспособлениями для чтения — «пюпитром с папочкой, нажимающей листы» [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 32], личным местом каждого читателя для хранения книг). В Публичную библиотеку Святой Женевьевы в Париже она заходила «погреться» после прогулок по городу [Там же. Л. 38]. В то же время ее младшая современница замечательный русский медиевист Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская хоть и считала французские библиотеки удобными, но все же не настолько продуманными, как немецкие [ОР РНБ. Ф. 254. Д. 18. Л. 3]. В целом любое описание библиотеки в эго-документах женщин-историков противопоставляется другим видам отдыха как идеальный способ проведения досуга: вдали от проблем, погружившись в чтение старинных томов, исследовательницы чувствовали себя в своей стихии. Книгохранилища в России и Европе были для них еще и неформальными клубами, в которых они обсуждали свои исследования, знакомились, что, в свою очередь, облегчало коммуникацию и вхождение женщин в академические корпорации.

**«Пуская кошельки»: внерабочее время,
отданное общественной активности**

Основатель первых Высших женских курсов в Москве профессор всеобщей истории МГУ В.И. Герье объяснял важность высшего гуманитарного образования для женщин как подготовку их к благотворительной деятельности («На поприще общественного призрения женщина доказывает свое право на образование» [ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 33-7. Л. 11–11об.]). Необходимо отметить, что сами по себе ВЖК в Москве и Петербурге тоже были благотворительным проектом, невозможным без энтузиазма как мужчин-историков, так и знатных дам — поборниц женского высшего образования в России (Н.В. Стасовой, М.В. Трубниковой, А.П. Философовой). Хотя далеко не все курсистки относились к основательницам курсов с должным почтением (чаще выказывая «постоянное пренебрежение к комитетским дамам» [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 9]), впоследствии женщины-историки хорошо осознавали, кому они были обязаны возможностью получить достойное образование. Необходимость отдать символический долг, а также влияние народнических идеалов, столь популярных среди русской молодежи 1870-х гг., побуждали женщин-историков к неоплачиваемому труду на ниве общественного образования и призрения. Женщины-историки, практически не соприкасавшиеся со сферой общественного призрения во время учебы, позже пробовали свои силы на ниве просвещения малоимущих, оттачивали научное перо в коротких просветительских брошюрах. Это была работа, незаметно перетекавшая в досугообразную форму деятельности. Так, одна из основательниц Общества содействия Бестужевским женским курсам Елена Осиповна Лихачева кроме своей разносторонней активности во благо женского движения составила первый научный труд по истории женского образования в России [Лихачева 1899]. Графиня Уварова участвовала в деятельности Братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами в Москве, городских участковых попечительствах [ОР РГБ. Ф. 70. Д. 54-39. Л. 7–8], но более всего проявила себя, организуя съезды и экспедиции Московского археологического общества. Удовольствием и приятным времяпрепровождением была для П.С. Уваровой забота о «труженическом приюте ученых занятий» — коллекции древностей, составлявшейся ею вместе с мужем в усадьбе Поречье Можайского района и получившей уже тогда всероссийскую известность, а ныне хранящейся в составе коллекции ГМИИ [Уварова 1887–1908]. Е.Н. Щепкина, активистка Российской Лиги равноправия женщин, где она возглавляла комиссию по пропаганде, после окончания Московских ВЖК учила детей грамоте в нижегородском приюте [РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Л. 104]. Позже была при-

глашена преподавать на Бестужевских курсах и, став ученым, обратилась к страницам именно женской российской истории. Увлеченная этой идеей, она всемерно способствовала организации образования работниц Петербурга, читала лекции на курсах Императорского Русского технического общества и в вечерне-воскресной Смоленско-Корниловской школе [Крупская 1959: 40].

Степень участия в общественной и благотворительной деятельности первых русских женщин-историков часто зависела от личных доходов и определялась семейными и религиозными традициями: Уварова, Лихачева и Щепкина могли позволить себе отдавать больше средств на организацию науки и образования, нежели их не столь обеспеченные современницы. Та же Флиттнер, вышедшая из немецкой протестантской семьи медиков, привыкла помогать отцу, ухаживая за больными, но сторонилась практик сбора средств неимущим. Мать воспитывала в ней критическое и настороженное отношение к благотворительным акциям («Ты убеждена, что этот сбор действительно в пользу заключенных или в пользу больного товарища? Можешь поручиться, что тот, кто пускает эти кошельки, не обманывает таких глупых девчонок, как ты?» [АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 4. Л. 174–175]).

Очевидно, что становление массового городского досуга как самостоятельной сферы деятельности, куда направлялись и деловая активность различных слоев населения, и их поиски новых ощущений, впечатлений и знаний, прошло скорее незамеченным для женщин — будущих ученых. В их дневниках не отмечены ни кино, ни спорт, крайне редко упоминается театр. Как обобщение сказанного выше напрашивается вывод о том, что досуг первых женщин-ученых (в центре нашего рассмотрения — женщины-историки) был почти неотделим от процесса повышения уровня их образования, от работы. К самим занятиям исторической наукой изначально они часто относились как к хобби и продолжению увлечения чтением. Как и другие женщины из среды просвещенной и образованной, они также могли занимать себя рукоделием, музицированием, приемом гостей. Тем не менее по мере институционализации участия женщин в исторической профессии содержание их свободного времени менялось. С одной стороны, женщины-историки понимали, что досуговые практики мужской академической корпорации приближают их к мечте стать учеными-профессионалами, обрести статус и достигнуть уважения опытных коллег. С другой — в силу ригидности гендерных стереотипов они вынужденно контаминировали «работу» и «досуг», поскольку социальные ожидания заставляли их оставаться «женственными» в том, чем они заполняли

свободное время. Традиции гостеванья и приема гостей в практиках неформального общения участниц научных школ со своими учителями видоизменялись. Женщины стремились закрепить профессиональные знакомства на неформальных вечерах, усвоить непроявленные в обычное время корпоративные нормы. Маргинализированное положение первых русских женщин-историков заставляло их всеми силами стараться не быть исключенными из социальной жизни, но совершенно очевидно, что настоящую радость им приносили «свои комнаты» (В. Вульф), где они могли посвятить себя научному процессу, работа в архивах и библиотеках. Многие досуговые практики помогали женщинам адаптироваться к академической карьере, а собственные трудности в работе вдохновляли помогать тем подругам, кто также выбрал непростой путь профессионального признания как способ самореализации.

Необходимо учитывать, что привлеченный нами эмпирический материал женских эго-документов — лишь неосознанные повествовательные конструкции той эпохи. Буквально во всех использованных секвенциях из мемуаров и иных эго-документов присутствует элемент субъективной проекции, взаимосвязи конкретных текстов с другими, современными им, а также с общим представлением о том, что должно быть записано и оставлено как память о своем времени (иногда это «должное» вдохновлено литературными текстами или другими воспоминаниями, прочитанными автором). В известной степени любые женские записи мемуарного типа были способом самоконструирования и публичного представления своего образа жизни в соответствии с дискурсом эпохи и своей части профессионального сообщества. Очевидно, что тексты о проведении досуга самоцензурированы и не могли бы содержать (в силу представлений о том, как должно проводить досуг интеллигентной женщине) описания развлечений, за которые могло быть стыдно. Тем важнее понимание такой самоцензуры при анализе текстов, созданных первыми женщинами-историками, записавшими детали своего жизненного пути (а он разворачивался при отсутствии явного идеологического давления, ставшего типическим в советский период российской истории).

Благодарности

Статья подготовлена в рамках Программы научно-исследовательской работы Института этнологии и антропологии РАН, Программы Президиума РАН «Этнокультурное разнообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» и Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-00191.

Сокращения

- АГЭ — Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа
 ОР ГИМ — Отдел рукописей Государственного исторического музея
 ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
 ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

Архивные материалы

- АГЭ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 2, 4, 6. Воспоминания Н.Д. Флиттнер. 1941 г.
 ОР ГИМ. Ф. 92. Д. 95. Воспоминания о коллективных уроках Общества воспитательниц и учительниц. 1946 г.
 ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 33-7. В.И. Герье «О новом общественном призвании женщины». 1890-е гг.
 ОР РГБ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 54-39. Переписка П.С. Уваровой и В.И. Герье. 1910–1915 гг.
 ОР РНБ. Ф. 254. Д. 18. Добиаш-Рождественская О.А. Отчет о командировке в Париж в 1908–1909 гг.
 РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 131. Е.Н. Щепкина «Бестужевские курсы». Б.д.
 РГАЛИ. Ф. 569. Оп. 2. Д. 1. Е.Н. Щепкина «Петербургские курсы и за граница» (воспоминания). Б.д.
 СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 213. Дневник И.И. Любименко. Б.д.

Источники

- [Белозерская 1913] Надежда Александровна Белозерская, урожденная Ген (Автобиография) // Исторический вестник. 1913. Т. 132. Июнь. С. 925–937.
- Востриков А.В.* (сост.). Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 206 с.
- Гревс И.М.* В годы юности. За культуру // Былое. 1918. № 12. С. 42–88.
- Корсаков Д.А.* К.Д. Кавелин. Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 457–488.
- Крупская Н.К.* Педагогические сочинения: В 10 т. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1959. Т. 3: Обучение и воспитание в школе. 798 с.
- Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 887 с.
- Люблинская А.Д.* Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская // Севостьянов Г.Н., Мильская Л.Т. (отв. ред.). Портреты историков: время и судьбы. М.; Иерусалим: Унив. кн.; Gesharim, 2000. Т. 2: Всеобщая история. С. 155–166.
- Домашний уклад семьи востоковедов: Игнатий Юлианович и Вера Александровна Крачковские: [Мат-лы выставки, подгот. Е.Ю. Басар-

- гиной, А.С. Малешек] // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. 2018. <<http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/800/>>.
- Нечкина М.В.* «...И мучилась и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. 882 с.
- Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни. 2-е изд., испр. и доп. М.: Руда и Металлы, 2009. 303 с.
- Уварова П.С.* Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова: В 4 т. М.: Синод. тип., 1887–1908.
- Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.
- Woolf V.* A Room of One's Own. L.: Hogarth Press, 1935. 172 p.

Библиография

- Волобуева Л.Н.* Досуг в структуре образа жизни: философско-культурологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 18 с.
- Воробьева Н.Н.* Наталия Давидовна Флиттнер — ученый и педагог // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2015. № 22: Классика в искусстве сквозь века. С. 9–34.
- Клюско Е.М.* Исторический подход к анализу дихотомии «работа-досуг» (по материалам зарубежных исследований) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 115–124.
- Комарова Г.А.* Академическая жизнь: поле междисциплинарных научных исследований. М.: ИЭА РАН, 2012. 36 с. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 229).
- Малышева С.Ю.* Рождение досуга: возникновение и эволюция понятия в XIX веке // Вишленкова Е., Сдвижков Д. (ред.). Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: НЛО, 2013. С. 173–188.
- Матвеева И.Г.* 200 лет отечественному книгохранилищу // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 2 (15). С. 11–17.
- Минеева Т.А.* Письмо как форма коммуникации между научным сообществом и женщинами-историками во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1 (18). С. 246–251.
- Пушкарева Н.Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы: Фонд исторической перспективы. 2010, 16 марта. <<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>>.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины-историки в России 1800–1917 годов // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1 (18). С. 228–246.
- Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: Сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха. СПб.: Европейский Дом, 2006. С. 270–318.

- Савельев А.В. Необычная карьера академика А.М. Панкратовой. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 431 с.
- Самодурова З.Г. З.В. Удальцова: творческий путь // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 3–13.
- Сидорчук И.В. Цели и перспективы истории досуга // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 174–186.
- Солодкин Р.Я. Жизнь и творчество И.И. Любименко в отечественной исторической науке // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 11. С. 323–328.
- Стрельцов Ю.А. Культурология досуга: Учеб. пособие для студентов вузов культуры и искусств. М.: МГУКИ, 2003. 297 с.
- Томашевич О.В. Т.Н. Козьмина-Бороздина — ученица и наследница дела Б.А. Тураева в Музее изящных искусств // Гельман В.Я. и др. (сост.). Памятники и люди. М.: Восг. лит., 2003. С. 122–141.
- Ярославцев Я.А. Милица Нечкина: литературно-психологический очерк. М.: Новый хронограф, 2010. 126 с.
- Aitchison C.C. Poststructural Feminist Theories of Representing Others: A Response to the “Crisis” in Leisure Studies’ Discourse // Leisure Studies. 2000. Vol. 19. No. 3. P. 127–144. doi: 10.1080/02614360050023044.
- Borsay P. A History of Leisure: The British Experience since 1500. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. XIX+306 p.
- Cunningham H. Leisure in the Industrial Revolution, c. 1780 — c. 1880. L.: Croom Helm, 1980. 222 p.
- Cunningham H. Leisure // The Working Class England, 1875–1914. L.: Croom Helm, 1985. P. 133–164.
- Deem R. Feminism and Leisure Studies — Opening Up New Directions // Wimbush E., Talbot M. (eds.). Relative Freedoms: Women and Leisure. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1988. P. 5–17.
- Heimtun B. Leisure, Women and Gender // Annals of Leisure Research. 2014. Vol. 17. No. 1. P. 115–116. doi: 10.1080/11745398.2013.859991.
- Henderson K.A., Bialeschki M.D., Shaw S.M., Freysinger V.J. Both Gains and Gaps: Feminist Perspectives on Women’s Leisure. State College, PA: Venture Publishing, Inc. 1996. XV+337 p.
- Hochschild A., Machung A. The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home. N.Y.: Viking, 1989. XVII+309 p.
- Kelly J.R. Leisure and Society: A Dialectical Analysis // Jackson E.L., Burton T.L. (eds.). Leisure Studies: Prospects for the Twenty-First Century. State College, PA: Venture Publishing, 1999. P. 53–68.
- Lowerson J., Myerscough J. Time to Spare in Victorian England. Hassocks, UK: Harvester Press, 1977. 151 p.
- Silk M., Caudwell J., Gibson H. Views on Leisure Studies: Pasts, Presents & Future Possibilities? // Leisure Studies. 2017. Vol. 36. No. 2. P. 153–162. doi: 10.1080/02614367.2017.1290130.
- Sylvester C. Leisure, Science, and Religion in 17th-Century England // Leisure Sciences. 1994. Vol. 16. No. 1. P. 1–16. doi: 10.1080/01490409409513213.

Towards a History of Everyday Life of the First Russian Women Historians of the Late 19th — Beginning of the 20th Century: Leisure and Recreation

Olga Sekenova

Women & Gender Studies Department, Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
jkzkray@mail.ru

Natalia Pushkareva

Women & Gender Studies Department, Institute of Ethnology
and Anthropology, Russian Academy of Sciences
32-A Leninskiy Av., Moscow, Russia
pushkarev@mail.ru

The article focuses on the study of the anthropology of everyday life of persons of intellectual labor. The subject of the study are the leisure peculiarities of the everyday life and home life of the first Russian women historians of the pre-revolutionary period, the variety of forms of free time available to the first women scientists among professional historians, as well as the budget and the ratio of their working and free time. Reflecting on the peculiarities in the study of the everyday life of the academic and teaching communities and describing the main forms of leisure of “learned ladies”, the authors give examples of how they organize and attend intellectual “evenings”, reading professional and fictional literature, forms of public engagement, including charitable activities. Various documents of personal origin—memoirs, diaries, personal correspondences of the first Russian women historians—made it possible to draw conclusions about the complex interweaving of free and working time in the life of women scientists, the flow of work into leisure and vice versa. The authors also demonstrate that the gradual entry of women into the male academic environment significantly influenced the practice of leisure: the contamination of work and rest was sometimes forced, and the adaptation to an academic career went, among other things, through the assimilation of appropriate leisure practices, which became an integral part of the lifestyle of women scientists. The marginalized position of the first Russian women historians forced them to try to keep being involved in social interactions. For this purpose, they sought to consolidate professional acquaintances at informal evenings, where it was possible to understand the unwritten rules of conduct and corporate norms of the academic environment. That said, the real joy for women was

the presence of personal space in which they could devote themselves to the scientific process—engaging in fruitful research work.

Keywords: Russia at the beginning of the 20th century, women historians, teaching and scientific community, everyday life, leisure, everyday life, budget of free time.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the Research Program of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS, the Program of the Presidium RAS “Ethnocultural Diversity of Russian Society and Strengthening the All-Russian Identity” and the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-09-00191.

References

- Aitchison C. C., ‘Poststructural Feminist Theories of Representing Others: A Response to the “Crisis” in Leisure Studies’ Discourse’, *Leisure Studies*, 2000, vol. 19, no. 3, pp. 127–144. doi: 10.1080/02614360050023044.
- Borsay P., *A History of Leisure: The British Experience since 1500*. New York: Palgrave Macmillan, 2006, XIX+306 pp. doi: 10.1007/978-0-230-21413-2.
- Cunningham H., *Leisure in the Industrial Revolution, c. 1780 — c. 1880*. London: Croom Helm, 1980, 222 pp.
- Cunningham H., ‘Leisure’, *The Working Class England, 1875–1914*. London: Croom Helm, 1985, pp. 133–164. doi: 10.4324/9781315637693-ch-5.
- Deem R., ‘Feminism and Leisure Studies — Opening Up New Directions’, Wimbush E., Talbot M. (eds.), *Relative Freedoms: Women and Leisure*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1988, pp. 5–17.
- Heimton B., ‘Leisure, Women and Gender’, *Annals of Leisure Research*, 2014, vol. 17, no. 1, pp. 115–116. doi: 10.1080/11745398.2013.859991.
- Henderson K. A., Bialeschki M. D., Shaw S. M., Freysinger V. J., *Both Gains and Gaps: Feminist Perspectives on Women’s Leisure*. State College, PA: Venture Publishing, Inc. 1996, XV+337 pp.
- Hochschild A., Machung A., *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. New York: Viking, 1989, XVII+309 pp.
- Kelly J. R., ‘Leisure and Society: A Dialectical Analysis’, Jackson E. L., Burton T. L. (eds.), *Leisure Studies: Prospects for the Twenty-First Century*. State College, PA: Venture Publishing, 1999, pp. 53–68.
- Klusko E. M., ‘Istoricheskiy podkhod k analizu dikhotomii “rabota-dosug” (po materialam zarubezhnykh issledovaniy) [A Historical Approach to the Analysis of the “Work-Leisure” Dichotomy (Based on the Materials of Foreign Studies)]’, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2013, no. 1 (51), pp. 115–124. (In Russian).
- Komarova G. A., *Akademicheskaya zhizn: pole mezhdistsiplinarnykh nauchnykh issledovaniy* [Academic Life: The Field of Multidisciplinary Research]. Moscow: IEA RAS Press, 2012, 36 pp. (*Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii* [Research in Applied and Emergency Ethnology], is. 229). (In Russian).

- Lowerson J., Myerscough J., *Time to Spare in Victorian England*. Hassocks, UK: Harvester Press, 1977, 151 pp.
- Malysheva S. Yu., 'Rozhdenie dosuga: vzniknoenie i evolyutsiya ponyatiya v XIX veke' [The Birth of Leisure: The Origin and the Evolution of Its Definition in 19th Century], Vishlenkova E., Sdvizhkov D. (eds.), *Izobrenenie veka: problemy i modeli vremeni v Rossii i Yevrope XIX stoletiya* [Invention of the Century: Problems and Models of Time in Russia and Europe of the 19th Century]. Moscow: NLO, 2013, pp. 173–188. (In Russian).
- Matveeva I. G., '200 let otechestvennomu knigokhranilishchu' [The 200 Years of the National Library], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2013, no. 2 (15), pp. 11–17. (In Russian).
- Mineeva T. A., 'Pismo kak forma kommunikatsii mezhdru nauchnym soobshchestvom i zhenshchinami-istorikami vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka' [The Letter as a Form of Communication between Academic Society and Women-Historians in the Late 19th — Early 20th Century], *Vestnik Permskogo universiteta*, series: *History*, 2012, no. 1 (18), pp. 246–251. (In Russian).
- Pushkareva N. L., "'Istoriya povsednevnosti" kak napravlenie istoricheskikh issledovaniy' [The History of Everyday Life as a Trend in the Historical Research], *Perspektivy: website*, 2010, March 16. <<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>>. (In Russian).
- Pushkareva N. L., 'Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1800–1917 godov' [Women-Historians in Russia in 1800–1917], *Vestnik Permskogo universiteta*, series: *History*, 2012, no. 1 (18), pp. 228–246. (In Russian).
- Rostovtsev E. A., 'Dnevnik N. N. Platonovoy (Shamoninoy) kak istochnik po istorii istoricheskoy nauki' [The Diary of N. N. Platonova (Shamonina) as a Source for Historiography], *Vremena i sudby* [The Times and Fortunes]: Coll. of articles in honour of the 75th anniversary of Viktor Moiseevich Paneyakh. St Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2006, pp. 270–318. (In Russian).
- Samodurova Z. G., 'Z. V. Udaltsova: tvorcheskii put' [Z. V. Udaltsova and Her Creative Career], *Vizantiyskiy vremennik*, 1988, vol. 49, pp. 3–13. (In Russian).
- Savelyev A. V., *Neobychnaya karera akademika A. M. Pankratovoy* [The Unusual Career of Academic A. M. Pankratova]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2012, 431 pp. (In Russian).
- Sidorchuk I. V., 'Tseli i perspektivy istorii dosuga' [Purposes and Perspectives of the History of Leisure], *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2015, no. 2, pp. 174–186. (In Russian).
- Silk M., Caudwell J., Gibson H., 'Views on Leisure Studies: Pasts, Presents & Future Possibilities?', *Leisure Studies*, 2017, vol. 36, no. 2, pp. 153–162. doi: 10.1080/02614367.2017.1290130.
- Solodkin R. Ya., 'Zhizn i tvorchestvo I. I. Lyubimenko v otechestvennoy istoricheskoy nauke' [The Life and Creativeness of I. I. Lubimenko in Russian Historical Science], *Vestnik Tambovskogo universiteta*, series: *Humanities*, 2008, no. 11, pp. 323–328. (In Russian).

- Streltsov Yu. A., *Kulturologiya dosuga* [The Cultural Science of Leisure]: Textbook. Moscow: Moscow State Institute of Culture Press, 2003, 297 pp.
- Sylvester C., 'Leisure, Science, and Religion in 17th-Century England', *Leisure Sciences*, 1994, vol. 16, no. 1, pp. 1–16. doi: 10.1080/01490409409513213.
- Tomashevich O. V., 'T. N. Kozmina-Borozdina — uchenitsa i naslednitsa dela B. A. Turaeva v Muzei izyashchnykh iskusstv' [T. N. Kozmina-Borozdina — the Student and the Heir of B. A. Turaev in the Museum of Fine Arts], Gelman V. Ya. et al. (comp.), *Pamyatniki i lyudi* [Heritage Sites and People]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, pp. 122–141. (In Russian).
- Volobueva L. N., *Dosug v strukture obraza zhizni: filosofsko-kulturologicheskie aspekty* [Leisure in the Structures of the Way of Living: Philosophical and Cultural Aspects]: Abstract of the Diss. in Philosophy. Moscow, 2004, 18 pp. (In Russian).
- Vorobyeva N. N., 'Nataliya Davidovna Flittner — uchenyy i pedagog' [Natalia Davidovna Flittner — the Scientist and the Teacher], *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 22: *Klassika v iskusstve skvoz veka* [Classics in Art Through the Ages], pp. 9–34. (In Russian).
- Wimbush E., Talbot M. (eds.), *Relative Freedoms: Women and Leisure*. Milton Keynes, UK: Open University Press, 1988, XXII+195 pp.
- Yaroslavtsev Ya. A., *Militsa Nechkina: literaturno-psikhologicheskiy ocherk* [Militsa Nechkina: A Literal and Psychological Essay]. Moscow: Novyy khronograf, 2010, 126 pp. (In Russian).